III.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

УРАЛЬСКІЕ ОЧЕРКИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856—1857 г.).

I.

И самъ не знаю, почему, я воображалъ Уральскъ городомъ тѣснымъ, темнымъ, жалкимъ, плохо выстроеннымъ, вообще похожимъ на большую часть нашихъ мелкихъ уѣздныхъ городковъ, которые производятъ на проѣзжаго такое грустное впечатлѣніе своими маленькими сѣрыми домами, длинными деревянными заборами, заросшими крапивой оврагами и пустырями, и отсутствіемъ всякихъ признаковъ разумной жизни.

Противъ ожиданія, я увидалъ городъ просторный, свѣтлый, даже въ нѣкоторомъ родѣ цвѣтущій сравнительно съ какимъ-нибудь чувашскимъ Белебеемъ.

Каменными воротами новѣйшей постройки въѣхалъ я на главную улицу Уральска, на уральскій Невскій проспектъ, способный даже подавить своимъ величіемъ жителя Красноярскаго или Маньчжурскаго форпоста. Улица очень длинна,

пряма, широка и вся застроена каменными домами объ одномъ, о двухъ и даже о трехъ этажахъ. Мѣстами есть и тротуары.

Правда, дома отличаются особенною неуклюжестью: тутъ толстыя тяжелыя кирпичныя колонны протянулись во всю длину двухъ этажей и служатъ, кажется, только для того, чтобы въ домѣ было отъ нихъ темнѣе; тамъ надъ двухъ-этажнымъ домомъ, который былъ бы еще туда-сюда безъ лишней прибавки, надстроена свѣтелка о трехъ-окошкахъ, точно некстати выросшій грибъ; простѣнки вездѣ широкіе, а окна узкія и низкія, такъ-что дома кажутся подслѣповатыми. Но вѣдь и то надо сказать: Уральскъ столица не какого-нибудь европейскаго или даже азіатскаго государства, а просто Земли войска уральскаго.

Вся эта главная улица казачьей столицы отстроилась, какъ вы видите съ перваго взгляда, недавно: кромѣ уродливыхъ архитектурныхъ претензій, объ этомъ свидѣтельствуютъ и крѣпкія, свѣжо-выштукатуренныя и выбѣленныя или выкрашенныя въ пріятный желтый цвѣтъ стѣны.

Такой же чистый, опрятный и новый видъ у трехъ церквей, которыя вы замѣтите, проходя вдоль улицы отъ однихъ городскихъ воротъ къ другимъ.

Кромѣ этихъ церквей, не представляющихъ ничего достопримѣчательнаго ни внутри, ни снаружи, въ той же улицѣ вы можете, пожалуй, замѣтить три другія не достопримѣчательности: атаманскій домъ и домъ войсковой канцеляріи, протянувшіеся на довольно значительное пространство, и домъ собранія или клуба, который правильнѣе было бы называть ассамблеей. Впрочемъ, клубъ помѣщается только въ верхнемъ этажѣ, а нижній, съ узкими, низкими и тусклыми окнами, немножко побольше подвальныхъ, занятъ единственною въ Уральскѣ школой. Свѣтъ науки проникаетъ въ эту школу такъ же скудно, какъ и солнечный свѣтъ.

Въ половинѣ дня, то-есть послѣ ранняго уральскаго обѣда, улица очень оживляется: всѣ, у кого есть какой-нибудь экипажъ и какая-нибудь лошадь, катаются тутъ; а кто ка-

таться не любитъ или кому не на чемъ кататься, идетъ пѣшкомъ погулять и поглазѣть. На масляницѣ здѣсь почти тѣсно отъ саней и отъ гуляющихъ. Въ саняхъ вы увидите и модныя шляпки, и старинныя головныя повязки, и современные салопы, и мѣстнаго покроя шубейки, опушенныя мѣхомъ или лебяжьимъ пухомъ, съ мѣховымъ же или лебяжьимъ воротникомъ, по уральски «горёлкомъ», надѣтыя въ одинъ рукавъ. Толпа представляетъ самое странное смѣшеніе строго-форменныхъ одеждъ съ безцеремоннѣйшими халатами. Рядомъ съ мѣховой казачьей шапкой, или съ военной фуражкой, украшенной офицерскимъ репейкомъ, лисій малахай съ длинными безобразными ушами, или нѣчто среднее между мурмолкой и хивинскимъ колпакомъ; около серебряной портупеи или перевязки киргизскій кожаной поясъ съ калтой, кожаной сумкой на бедрѣ. Не подумайте, что это киргизы, пріѣхавшіе изъ-за Урала, съ бухарской стороны, какъ называютъ здѣсь лѣвый его берегъ, погулять въ Уральскѣ, посмотрѣть на людей и показать себя. Нѣтъ, это все казаки, что ясно видно по ихъ русскимъ лицамъ, русскимъ глазамъ и русскимъ бородамъ, и ясно слышно изъ ихъ русскаго говора.

Особенно густы и шумны бываютъ такія толпы на площади около первой церкви отъ въѣзда въ оренбургскія ворота, когда наступаетъ время наемки въ службу (*). Про эту церковь, которую казаки называютъ бѣлой, вѣроятно отъ ея бѣлыхъ стѣнъ, у нихъ есть присловье. Мнѣ не разъ случалось слышать отъ бѣдныхъ казаковъ, полагавшихъ всю свою надежду на рыболовство и возвращавшихся домой съ пустыми руками: «Бѣлая церковь деньги дастъ». Около бѣлой церкви, подъ открытымъ небомъ, несмотря ни на жаръ, ни на морозъ, идутъ переговоры и совершаются всѣ сдѣлки по найму на службу.

Остальныя улицы Уральска не такъ роскошно обстроены

(*) Какъ извѣстно, уральскіе казаки отправляютъ службу не по очереди.

и не такъ оживлены, какъ главная, хотя и въ нихъ не мало каменныхъ и довольно большихъ домовъ. Тутъ впрочемъ найдутся и пустыри, какъ въ любомъ изъ тѣхъ уѣздныхъ городковъ, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ.

Съ главною улицей можетъ поспорить шумомъ и оживленіемъ развѣ только базарная площадь, гдѣ сосредоточивается вся торговля Уральска.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ, по площади не было почти прохода. Приближалась пора главнаго зимняго рыболовства—багренья, и между деревянными лавчонками, построенными въ два ряда посединѣ площади, за ними и передъ ними, даже вдоль домовъ, подъ самыми окнами, были тѣсно настланы, какъ мосты, ряды длинныхъ колѣнчатыхъ шестовъ. Бѣлуги и осетры смирно лежали на днѣ Урала и вѣроятно не чуяли собирающейся на нихъ грозы. Скоро на концахъ всѣхъ этихъ шестовъ явились острые желѣзные крючья, и ни одной рыбѣ въ Уралѣ не удалось спастись отъ нихъ.

Точно такъ передъ весеннимъ и осеннимъ рыболовствами найдете вы на уральской базарной площади груды сѣтей и бударокъ, маленькихъ лодокъ, похожихъ на длинныя корыта.

Рыбы и икры увидите вы здѣсь, однакожъ, меньше чѣмъ ожидаете, даже тотчасъ послѣ лова. Все, что покупается для вывоза внутрь Россіи, покупается на мѣстѣ—зимой на самомъ льду рѣки, весной и осенью на берегу Урала.

Всюду въ Уральскѣ видишь дома очень недавней постройки, и напрасно ищешь хоть какихъ нибудь остатковъ старины. Впрочемъ, такова судьба почти всѣхъ русскихъ городовъ: они строятся изъ дерева, чуть не каждыя десять лѣтъ выгораютъ, и иной городъ, существующій столѣтія, кажется возникшимъ на дняхъ.

Такимъ образомъ въ городѣ не на что посмотрѣть. Единственный памятникъ, восходящій за времена пугачевщины, есть соборъ, стоявшій когда-то на самомъ берегу Урала, а теперь находящійся въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Не

церковь была перенесена на другое мѣсто, а рѣка выбрала себѣ другое ложе.

Про этотъ капризъ Урала существуетъ здѣсь такое преданіе.

Когда церковь была еще не единовѣрческою и Уралъ протекалъ у ея подножья, она чрезвычайно уважалась здѣшними богомольцами. Близость рѣки и зыбкость берега заставляли, однакожъ, бояться, что ей долго не простоять. Нашлись и такіе люди, что считали небезопаснымъ оставлять церковь въ этомъ положеніи. Такъ какъ на сторонѣ этихъ людей была сила и власть, то они распорядились сломать зданіе, грозившее рано или поздно обрушиться на прихожанъ. Трое работниковъ забрались уже на кровлю, чтобы начать ломку, но съ ними въ тужъ минуту сдѣлалось головокруженіе, и они всѣ трое свалились съ кровли и разбились въ прахъ, не успѣвъ отломать и кусочка отъ старыхъ стѣнъ.

Распорядители, вмѣсто того, чтобъ принять этотъ случай за предостереженіе свыше, рѣшили не отступать отъ своего намѣренія, и нарядили на слѣдующее утро новыхъ работниковъ для слома церкви.

Работники не мало удивились, когда, пріѣдя утромъ къ собору, увидали, что Уралъ отклонилъ свое теченіе отъ его стѣнъ и оставилъ около нихъ безводную тинистую ложбину.

Приниматься за работу было, разумѣется, уже нечего. Рѣка перестала подмывать берегъ, берегъ укрѣпился и церковь стоитъ на немъ невредимо до сихъ поръ.

Теченіе Урала вообще очень прихотливо. Пробѣгая по степи, онъ не разъ уклонялся отъ прямаго пути и оставлялъ слѣдомъ своихъ уклоненій и водные рукава, и сухія старицы; но только про старицу въ Уральскѣ слышалъ я такое преданіе.

Я назвалъ соборъ единственнымъ памятникомъ старины въ Уральскѣ. Старина эта не очень давняя; но и отъ нея вѣроятно скоро не многое останется. Въ мое время церковь расписывалъ внутри по стѣнамъ какой-то доморощеный маляръ.

Отъ колокольни, подорванной Пугачевымъ, не осталось слѣдовъ; а, говорятъ, долго развалины ея стояли около со-

бора. Любители порядка конечно не могли оставить тутъ такой безобразной груды, и очистили мѣсто.

Тутъ же, на площади, близъ собора, стояла нѣкогда войсковая изба, гдѣ собиралось яицкое казачество судить и рядить о своихъ дѣлахъ. Одинъ восьмидесяти-пяти-лѣтній старикъ разсказывалъ мнѣ, что игралъ въ дѣтствѣ на крыльцѣ ея. Изба, по его словамъ, была крѣпко выстроенная, каменная; но она стояла уже въ запустѣньи, и мало по малу разваливалась.

Старикъ этотъ умеръ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Уральска, и едва ли найдется теперь тамъ кто нибудь, кто могъ бы указать на мѣсто, гдѣ стоялъ нѣкогда домъ казачьяго-собранія.

Трудно описывать плоскую, безхарактерную наружность нашихъ городовъ, и я не знаю, составилъ ли читатель какое-нибудь понятіе о наружности Уральска изъ всего сказаннаго мною. Если нѣтъ, я попрошу его представить себѣ любой русскій городъ средняго размѣра, въ которомъ нѣтъ ничего замѣчательнаго стариннаго и ничего замѣчательнаго новаго, есть двѣ-три церкви той казенной архитектуры, что посмотришь и черезъ минуту, при всѣхъ усиліяхъ, не вспомнишь, есть кромѣ того еще менѣе характеристичное зданіе присутственныхъ мѣстъ, базарная площадь и незатѣйливый гостинный дворъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить развѣ только грязную и тѣсную татарскую слободу съ деревянной мечетью и съ особеннымъ запахомъ. Запахъ этотъ исключительно татарскій; иначе я не умѣю опредѣлить его. Сколько татаринъ ни моется, строго слѣдуя предписаніямъ корана, запахъ остается при немъ. Даже дымъ татарскаго дома пахнетъ особенно; это настоящій «дымъ отечества», и сладкій и пріятный татарскому носу и сердцу.

Нѣкоторую типичность придаетъ внѣшнему виду города только его военно-халатное народонаселеніе, расхаживающее и разъѣзжающее по широкимъ и узкимъ, по прямымъ и кривымъ улицамъ Уральска. Круглая черная шляпа тутъ такая же рѣдкость, какъ киргизскій малахай на Невскомъ проспек-

тѣ, и на нее немедленно обращаются съ любопытствомъ и съ нѣкоторою враждой всѣ глаза.

За то ничьего любопытства не возбуждаютъ киргизы, являясь тутъ въ своей степной одеждѣ, на своихъ степныхъ лошадяхъ, или на верблюдахъ. Вражды они тоже никому не внушаютъ. Правда, мальчишки бѣгаютъ иногда за ними толпой и кидаютъ въ нихъ камнями; но это невинная дѣтская шалость. Правда, никто изъ взрослыхъ не дастъ киргизу пить изъ своего стакана, ѣсть со своей тарелки; но вѣдь у всякаго есть на этотъ случай особая посуда, технически называемая поганой.

Чтобы заключить описаніе внѣшности Уральска, мнѣ остается только сказать, что въ городѣ вы очень рѣдко увидите деревья; но въ окрестностяхъ есть такъ-называемые здѣсь «сады», дачи зажиточныхъ уральцевъ, куда нѣкоторые переселяются на лѣто подышать болѣе чистымъ воздухомъ. У кого нѣтъ своей дачи, ѣздитъ туда погостить или просто погулять и посидѣть подъ «увѣями», то-есть подъ деревьями.

II.

«Дома новы, да предразсудки стары...»

Едва ли гдѣ можно примѣнить этотъ стихъ такъ удобно, какъ въ Уральскѣ.

Сколько въ этихъ новыхъ домахъ патріархальной дикости! сколько и въ домашней, и въ общественной жизни уральцевъ невѣжественной старины!

По временамъ мнѣ казалось, что я перенесенъ какимъ-то чудомъ въ ту пору, когда Петръ только-что начиналъ брить намъ бороды и дѣлать насъ съ виду похожими на европейцевъ. Иногда я готовъ былъ даже думать, что Петръ еще и не воцарялся, и что мнѣ на долю выпадаетъ роль Кошихина.

Вкругъ Земли уральскаго войска нѣтъ каменной стѣны, которая отдѣляла бы его, какъ Китай, отъ Европы; но такая стѣна, и притомъ тверже камня, существуетъ въ головахъ уральцевъ.

До сихъ поръ все народонаселеніе ихъ состоитъ изъ туземцевъ. На каждаго заѣзжаго смотрятъ они какъ на какого-то врага, который пріѣхалъ высматривать и вывѣдывать, что у нихъ дѣлается, и мѣшать имъ. Слово: «иногороднiй», придаваемое здѣсь каждому не уральцу и не казаку, имѣетъ почти бранный смыслъ.

До сихъ поръ живы у уральцевъ и ходятъ между ними пословицы о Москвѣ, какъ о царскомъ городѣ, откуда шли наряды ихъ на службу, и ограниченія ихъ вольницы.

«Держись, ребята! Москва глядитъ».

Или:

«Живи, покуда Москва не узнала!»

Это вы услышите сплошь и рядомъ.

И поговорки эти, имѣвшія смыслъ въ то время, какъ были сказаны впервые, повторяются не безсознательно.

Еще недавно заѣзжихъ «бритоусцевъ» съ камнемъ на шеѣ кидали здѣсь въ Уралъ: не суйся-де, гдѣ не спрашиваютъ! Судьба того астронома, котораго вздернули во время пугачевщины на висѣлицу, чтобы ему было ближе считать звѣзды, могла бы повториться здѣсь и безъ Пугачевщины; но— Москва глядитъ!

Правда, всѣ новые порядки, не замѣняя старыхъ и не улучшая ихъ, а только возбуждая всеобщее неудовольствіе, приходили изъ «Москвы»; но вѣдь откуда же ждать уральцамъ и своей доли просвѣщенія, какъ не изъ Москвы? Не сосѣди же ихъ киргизы принесутъ имъ свѣтъ—не свой, такъ изъ Кокана, изъ Хивы, вмѣстѣ съ халатами изъ глянцовитой сусы, съ пестрыми войлоками и съ цыновками изъ эмбенскихъ камышей?

Увы! съ этими халатами не мало вздѣли на себя казаки и киргизскихъ подхалатныхъ побужденій.

Впрочемъ—утѣшимся! Уральцы просвѣщаются... Въ Уральскѣ есть уже ассамблея; а съ ассамблеи, какъ извѣстно, и начинается просвѣщеніе. (см. любое руководство къ русской исторіи).

На всемъ пространствѣ уральскихъ земель, на которомъ

помѣстились бы двѣ съ половиной Бельгіи, стало быть могли бы издаваться покрайней мѣрѣ двѣ «Independance Belge» и два «Nord», всего одна жалкая школа для мальчиковъ, а для дѣвочекъ вовсе нѣтъ училища; только въ Уральскѣ есть два лекаря, да въ Гурьевѣ одинъ. Но за то есть ассамблея.

Пусть старыя дѣвки «мастерицы» мучатъ бѣдныхъ ребятъ годъ надъ Часовникомъ, да годъ надъ Псалтырью, да годъ не знаю надъ чѣмъ, уча читать: «буки-цы-есть-це—Богородице», «глаголь-добро-иже-ди—Господи», и выдирая вихры за каждое: «буки-цы-есть-це—Бце» и «глаголь-добро-иже-ди—Гди»! Пусть бабы лекарки изводятъ родъ людской ртутью и мышьякомъ, опаиваютъ сулемой и выкуриваютъ со свѣту киноварью! За то въ Уральскѣ есть ассамблея, гдѣ танцуютъ польку, французскую кадриль, а теперь вѣроятно и кадриль лансье (*).

Въ ассамблеѣ, называемой впрочемъ, какъ я уже сказалъ, собраніемъ или клубомъ, кромѣ танцевъ, занимаются игрой въ карты, ѣдой и питьемъ вина, преимущественно какого-то лиссабона, чрезвычайно распространеннаго въ Землѣ уральскаго войска.

Первое, что поражаетъ васъ въ уральскомъ собраніи, это смѣшеніе новомодныхъ платьевъ со старобытными сарафанами. На петербургскихъ ассамблеяхъ такого смѣшенія не было: тамъ всѣ являлись во французскихъ робронахъ или голландскихъ шпензерахъ. Но въ этомъ случаѣ я отдаю преимущество ассамблеямъ уральскимъ. Здѣсь яснѣе переходъ отъ Кошихина къ Ѳаддею Булгарину.

(*) Говорятъ, въ послѣднее время, уральцы, при новомъ управленіи, сдѣлали не шутя большіе успѣхи въ дѣлѣ просвѣщенія. Въ чемъ они состоятъ, не знаю; но думаю, что въ заведеніи покрайней мѣрѣ десяти большихъ мужскихъ и женскихъ училищъ. Это единственный успѣхъ, которому можно порадоваться. Безъ него же всѣ ассамблеи, театры и проч. не стоятъ выѣденнаго яйца. Описывая то, что видѣлъ въ Уральскѣ, я горячо желалъ одного: чтобы замѣтки мои какъ можно скорѣе стали древней исторіей Уральска.

Что за безобразіе, однакожъ, эти уральскіе сарафаны! Молодыя женщины ввели въ нихъ нѣкоторыя измѣненія: кисейные рукава, пояса, и отъ этого они еще стали не много получше. Старухи же въ своихъ толстыхъ какъ лубокъ атласныхъ, штофныхъ, бархатныхъ и парчевыхъ широкихъ облаченіяхъ безъ пояса, имѣютъ видъ совершенныхъ дьяконовъ.

Въ надеждѣ, что скоро вмѣстѣ съ древнимъ сарафаномъ уралки скинутъ съ себя и свою дикую закоснѣлость, я опишу эту одежду подробнѣе.

Воротъ сарафана подходитъ подъ самое горло. Вокругъ шеи позументъ, который идетъ двумя рядами внизъ отъ душки къ подолу, и подолъ спереди только, а не кругомъ обшитъ позументомъ. Рукава дѣлаются изъ двухъ разныхъ, отличныхъ отъ самаго сарафана матерій, впрочемъ обыкновенно такой же вѣковой прочности. Верхняя часть ихъ, у плечъ, на четверть выходящая изъ проймы, называется «выставкой», хотя это названіе было бы приличнѣе голымъ плечамъ дамъ въ модныхъ платьяхъ. Рукавъ, широкій, пышно ниспадающій на кисть руки, съ узенькой обшивкой, тоже трижды украшенъ позументомъ: въ проймѣ, между выставкой и нижней частью и по обшивкѣ.

Еще безобразнѣе кажется эта ряса, когда къ ней примѣшиваютъ что-нибудь европейское; а это случается сплошь: сверху накидываютъ какую-нибудь кружевную или бархатную мантилью, или шаль.

Прически и головные уборы такъ же странны и дики какъ лубочные сарафаны.

Волосы, пробранные по срединѣ, низко опущены на вискахъ и потомъ заложены за ухо: точно къ щекамъ прилѣплены котлеты.

Дѣвушки носятъ на головахъ «ленту». Это впрочемъ не просто лента, а повязка, вышитая золотомъ, вродѣ низенькаго кокошника, въ вершокъ вышины, не больше. Прежде къ повязкѣ прицѣпляли жемчужное кружево, ниспадавшее на лобъ, по самыя брови. Въ косу вплетается обыкновенно

дорогая лента, часто вышитая золотомъ. Такъ же вышиваютъ и выставки на рукавахъ, если онѣ изъ одноцвѣтной матеріи или кисейныя.

Замужнія женщины носятъ «волосники». Это такой же почти кокошникъ, но сплошь обтянутый матеріей, концы которой расправлены и разглажены сзади словно вѣеръ.

Прежде были въ ходу жемчужныя «сороки»; но ихъ теперь уже не встрѣтишь. Я видѣлъ одну на портретѣ, а другую въ Гурьевѣ на одной старухѣ въ заутреню на Свѣтлое воскресенье. Это возвышающійся къ затылку бархатный кокошникъ, весь унизанный спереди жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а за недостаткомъ такихъ камней, разумѣется, и просто цвѣтными стеклышками. Къ этому головному убору необходимою принадлежностью была фата, замотанная вкругъ шеи и закинутая за спину, до самаго пояса. Фата была обыкновенно кисейная, затканная золотомъ и серебромъ.

Поклонники старинныхъ одеждъ, восхищаясь такими сарафанами и уборами, обыкновѣнно говорятъ:

«Ну какъ же можно сравнить этакой сарафанъ съ нынѣшними тряпками? Сколько надо теперь платьевъ завести, чтобы нарядно одѣться! И все это рвется, и все каждый день мода новая. А такой сарафанъ идетъ изъ роду въ родъ: отъ матери переходитъ къ дочери, отъ бабушки къ внучкѣ. Это исторіей пахнетъ».

Именно—пахнетъ. Но, признаюсь, я предпочитаю читать исторію; готовъ еще, пожалуй, и смотрѣть ее, но никакъ не нюхать. Къ тому же исторія, которой пахнетъ уральскій сарафанъ, не отличается особеннымъ ароматомъ. Отъ этого сарафана пахнетъ сквернымъ подобіемъ ладона, которымъ чадилъ какой-нибудь бѣглый или самозванный казачій попъ въ потаенной часовнѣ, служа всенощную или даже обѣдню въ полотняной церкви. Къ этому, только отчасти-историческому запаху, присоединяются и другіе, вовсе не историческіе, и сарафана не вымоешь и не вычистишь. Развѣ отдать его изъ краснаго или жаркаго, то-есть оранжеваго цвѣта, перекофеить.

— Какъ это перекофеить? спросилъ я у одной уральской барышни, когда услыхалъ отъ нея это словечко.

— Перекрасить въ кофейненькій цвѣтъ, отвѣчала она.

— Какой же это кофейненькій цвѣтъ?

— А вонъ!

И барышня указала мнѣ на—лиловый сарафанъ.

Описывая покрой уральскихъ сарафановъ, я сдѣлалъ непростительный промахъ. Промежъ двойнаго ряда позумента, идущаго вдоль стана отъ ворота къ подолу, насаживаются блестящія пуговки. Сколько ихъ, я не считалъ: можетъ быть двѣнадцать, а можетъ быть и шестнадцать.

Въ счетѣ пуговокъ на уральскомъ сарафанѣ нужно быть очень осторожнымъ. Малѣйшая невѣрность можетъ породить ученую полемику.

Примѣръ такой полемики можетъ быть помнятъ спеціалисты, по части женскихъ пуговокъ. Для не спеціалистовъ же я скажу въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ было дѣло.

Одинъ изъ прежнихъ описателей уральскаго быта упомянулъ мимоходомъ, что уралки шьютъ себѣ сарафаны съ отборной девятой пуговкой.

Другой изслѣдователь повторилъ это свѣдѣніе нѣсколько иначе, а именно сказалъ, что уральскіе сарафаны обшиваются позументомъ съ нѣсколькими по немъ металлическими блестящими пуговицами, изъ которыхъ такъ называемая «девятая пуговка» обыкновенно бываетъ крупнѣе и богаче другихъ.

Людямъ непроницательнымъ можетъ показаться, что дѣло это касается не столько этнографовъ, сколько швей, и швей не общечеловѣческихъ, а единственно уральскихъ. Но такое мнѣніе совершенно ошибочно.

Третій описатель уральскихъ нравовъ, мѣстный ученый, съ эрудиціей спеціалиста, считавшаго пуговки на сарафанахъ своихъ землячекъ и знающаго, гдѣ приходится девятая, не только опровергъ существованіе этой пуговки, но даже нашелъ высоко безнравственнымъ самое предположеніе о ея существованіи.

Не будучи судьей въ этомъ дѣлѣ, я ограничусь двумя маленькими отрывками объ уралкахъ изъ путешествія знаменитаго Палласа, бывшаго на Уралѣ въ 1769 году, и изъ «Историческаго и статистическаго обозрѣнія уральскихъ казаковъ» г. Левшина, которое написано въ 1821 году.

Вотъ что говоритъ Палласъ:

«Молодые люди всегда препровождаютъ дни въ забавахъ, и многіе казаки вдались въ праздность и пьянство. Женскій полъ такъ же любитъ увеселеніе, и кажется, что имѣетъ склонность къ щегольству и любви».

Г. Левшинъ говоритъ:

«Женщины здѣшнія кажутся съ перваго взгляда неприступными.....»

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ точекъ.

Вообразите мое удивленіе, когда я пересчиталъ эти точки и увидалъ, что ихъ девять! ни больше, ни меньше, какъ девять. Не подразумѣвалось ли подъ этими девятью точками девяти пуговокъ?

Красавицъ между уралками я однакожъ не встрѣчалъ; вообще хорошенькихъ лицъ тамъ мало. Часто къ русскому типу примѣшивается что-то азіатское, напоминающее бухарскую сторону Урала, и преимущественно у женщинъ.

Еще болѣе азіатскаго характера придаютъ себѣ уралки пристрастіемъ къ бѣлилямъ и румянамъ. Здѣсь, скажу между прочимъ, не говорятъ: «она набѣлена, нарумянена», а: «у нея накладное лицо».

Чтобы сказать все о наружности уральцевъ и уралокъ, замѣчу, что у большинства черные волосы, а свѣтло-русые головы и очень рѣдки.

Кромѣ странныхъ сарафановъ, у уралокъ есть и еще особенность: онѣ всѣ говорятъ, жеманно пришепетывая. Не думайте, что это какой-нибудь врожденный порокъ. Это просто здѣшняя *fashion*, вошедшая въ обычаи и переходящая отъ матери къ дочери вмѣстѣ съ бабушкинымъ сарафаномъ. Мужчины не пришепетываютъ: это принадлежность однихъ женщинъ. Очень можетъ быть, что говорить: «человѣкъ» вмѣ-

сто «человѣкъ», «доцка» вмѣсто «дочка», считалось даже нѣкогда особенною красотой въ женскихъ устахъ. Теперь словечко: «цяво?» произведетъ не больше впечатлѣнія, нежели простое: «чего?»

Что касается лично до меня, я нахожу это пришепетыванье очень противнымъ, и очень радъ, что въ семействахъ чиновниковъ (такъ называютъ здѣсь всѣхъ безъ исключенія офицеровъ) эта особенность женскаго говора мало по малу исчезаетъ.

Къ слову замѣчу, что напрасно нѣкоторые описатели здѣшняго быта приписываютъ уральскимъ женщинамъ какой-то младенческій лепетъ, утверждая, будто онѣ говорятъ: «отсельница» вмѣсто «отшельница», «саляфанцикъ» вмѣсто «сарафанчикъ» и т. д. Послѣ этого оставалось только сказать, что уралки называютъ Уралъ «Улялемъ», а себя «уляльками». Ничего подобнаго вы не услышите. *Це* вмѣсто *че* оттого-то особенно и поражаетъ слухъ, что звукъ *ше* не замѣняется звукомъ *се* и буква *р* выговаривается твердо.

Начавши объ уральскомъ собраніи, я ужъ очень уклонился, а потому и возвращусь къ нему. Говорить много, впрочемъ, тутъ нечего. Какъ и вездѣ, молодежь въ собраніи танцуетъ, а кто по старше—играютъ въ карты. Въ двѣнадцать часовъ ужинаютъ, еще танцуютъ, еще играютъ, и наконецъ разъѣзжаются.

Отмѣчу только двѣ чисто-уральскія особенности.

Танцовальные вечера бываютъ разъ въ недѣлю. Для каждаго такого вечера назначается директоръ или старшина. Все это пока въ порядкѣ вещей. Но старшина обязанъ здѣсь угощать всѣхъ гостей не только чаемъ, мороженымъ, разными прохладительными питьями и сластями, но и большимъ ужиномъ съ достаточнымъ количествомъ вина. А гостей бываетъ немало: часто больше ста человѣкъ. Это должно быть очень накладно.

И будь еще это по общему выбору, по балотировкѣ—можно бы еще подчиниться такимъ тратамъ. А то назначеніе старшины зависитъ отъ произвола атамана, какъ назначеніе

въ какую нибудь оффиціальную должность. И отказаться невозможно. «А ну какъ атаманъ разсердится!» думаетъ всякой: «не дастъ доходной должности, не пошлетъ атаманомъ на рыболовство (*)! А между тѣмъ старшиной въ собраніе все-таки назначитъ разъ десять. Вѣдь этакъ совсѣмъ разоришься, пожалуй!»

Не правда ли, это очень патріархально?

Не менѣе патріархаленъ обычай уральцевъ возить въ свое собраніе дѣвочекъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ включительно. За то онѣ и не учатся ничему, кромѣ ласки, да дѣланья глазокъ молоденькимъ офицерамъ.

Я самъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ одна дѣвочка лѣтъ двѣнадцати отцѣпила отъ своего браслета золотое сердечко, дала его своему кавалеру лѣтъ двадцати пяти и прошептала очень выразительно: «твое на вѣки!»

Человѣку во фракѣ не такъ легко попасть на пирушку простыхъ казаковъ, какъ на чиновничью ассамблею. Присутствіе такого гостя только смутитъ общую веселость. Поэтому я лишь разъ рискнулъ быть, на святкахъ, на вечеринкѣ въ домѣ, гдѣ была невѣста. Дѣвицы и молодые люди играли въ тѣсной комнатѣ, въ веревочку, пожилыя женщины грызли подсолнечныя и тыквенныя сѣмечки, обыкновенное здѣшнее лакомство, и тихо разговаривали, мужчины сидѣли особнякомъ, въ комнатѣ рядомъ, еще болѣе тѣсной, и тоже вели разговоръ за подносомъ съ водкой и закуской. Можетъ быть по случаю некстати затесавшагося гостя, игра въ веревочку была совершенно безжизненная. Молодые люди или холостяки, какъ называютъ здѣсь, еще проявляли нѣкоторую веселость; но дѣвушки стояли кружкомъ, держась за веревочку, словно деревянныя. Безстрастно выходила которая нибудь изъ нихъ въ середину, безстрастно подходила къ кото-

(*) Начальникъ или атаманъ, назначаемый на каждое рыболовство съ цѣлью наблюденія за порядкомъ, имѣетъ обыкновенно большія выгоды. Подробности читатель найдетъ далѣе, въ описаніи разныхъ родовъ уральскаго рыболовства.

рому нибудь изъ юношъ, державшемуся за веревочку и тихо ударяла его по рукамъ; рукъ никто не отнималъ, и потому игра представляла томительное однообразіе.

III.

Я не знаю ничего болѣе темнаго и безотраднаго, какъ семейный кровъ уральца, покрайней мѣрѣ для посторонняго человѣка, входящаго подъ этотъ кровъ желѣзными гремучими дверями съ тяжелымъ засовомъ и замкомъ, какъ у лавки или у подвала.

Хвалятъ радушіе, гостепріимство, хлѣбосольство уральцевъ, и я готовъ присоединить къ этимъ похваламъ свой голосъ; но—признаюсь—и то, и другое, и третье были мнѣ по сердцу только въ тѣхъ домахъ, гдѣ хозяева были женаты не на истыхъ уралкахъ, а на *иногородныхъ*, то есть гдѣ женщина не пряталась въ своемъ неприступномъ гинекеѣ или теремѣ, предоставляя мужчинъ въ полную власть тяжелому подносу со множествомъ графиновъ и бутылокъ.

Этотъ подносъ съ неизмѣнными водкой, лиссабономъ и тарелками икры и балыка является мгновенно, какъ по мановенію какого-то волшебнаго жезла, въ гостиную, едва успѣли вы войдти. Раннимъ ли утромъ вы пріѣхали, поздней ли ночью, подносъ является изъ дверей внутреннихъ покоевъ и ставится передъ вами на столъ.

Затѣмъ дверь во внутренніе покои тотчасъ затворяется очень плотно, и уже вы даже не почуете присутствія женщины въ домѣ. Сидите день, сидите ночь—ни женскаго голоса, ни шелеста женскаго платья не услышите.

А между тѣмъ всѣ здѣсь женаты. Даже юноши съ едва пробивающимися усами если еще не мужья, то ужъ навѣрное женихи. Старый холостякъ здѣсь такая же рѣдкость, какъ осетръ съ золотистой икрой.

Какъ должны скучать женщины! Ни хозяйство, ни заботы о дѣтяхъ не могутъ поглощать всего ихъ времени: хозяйство слишкомъ не сложно, дѣти на рукахъ нянекъ, и когда схо-

дятъ съ этихъ рукъ, мать не учитъ ихъ сама. Да и чему стала бы она учить ихъ, не зная сама ничего?

Къ чтенію вкусъ не развитъ. Это и не женское дѣло—читать.

Остается надѣть свой безобразный сарафанъ, сидѣть съ сосѣдкой, грызть сѣмячки и разсказывать или слушать разсказы о разныхъ интимностяхъ.

Грызенье или лущенье сѣмячекъ—почти единственное и исключительное занятіе, которому предана женская половина уральскаго населенія съ утра до ночи. Удивительно, какъ выдерживаетъ у нихъ языкъ! у меня отъ десятка разгрызенныхъ сѣмечекъ кончикъ языка болѣлъ чуть ли не цѣлый день.

Если женщины и принимаются читать, то лишь когда начинаютъ старѣть. И притомъ что читаютъ онѣ? Разные цвѣтники, трифологіоны, творенія сибирскихъ, стародубскихъ, иргизскихъ и всякихъ дикихъ учителей.

Затѣмъ начинаются разговоры о томъ, что «Никонъ вѣру истыкалъ», праздные толки объ Іисусѣ и Исусѣ, о Богородицѣ и Христородицѣ, о развратѣ нынѣшняго вѣка (за полуштофомъ пѣннаго), о нарожденіи въ Вавилонѣ антихриста отъ дѣвки жидовки, и проч., и проч., и проч. Какъ видите, предметовъ неисчерпаемый запасъ.

Обреченныя своимъ жалкимъ воспитаніемъ на постоянную праздность, уралки—главныя хранительницы старины, главныя поклонницы преданія. Ими держится весь нравственный кодексъ уральца.

Казаку некогда погружаться въ тонкости догматической полемики, некогда думать въ походѣ о томъ, войдетъ ли онъ въ царствіе небесное, если сбрѣетъ для удобства или по приказу начальства бороду и выкуритъ, товарищества ради, трубку. Пока онъ былъ на службѣ, пока не воротился домой, къ своимъ пенатамъ, то есть къ большой вродѣ церковнаго иконостаса божницѣ съ родовыми темными иконами въ дорогихъ окладахъ, онъ молился, когда приходилось, во всѣхъ церквяхъ.

Тутъ, дома, начинаетъ обвѣвать его воздухъ далекаго дѣтства и воскрешаетъ передъ нимъ всю фантастически измѣненную годами обстановку этого дѣтства.

Бабушка въ черномъ сарафанѣ, обшитомъ серебрянымъ позументомъ, бесѣдующая съ какимъ нибудь начитаннымъ старцемъ съ желтовато-сѣдыми космами вкругъ головы, въ длинной рясѣ, перетянутой ремнемъ; лампады передъ большимъ иконостасомъ въ отдаленной горницѣ; фигуры заунывно и протяжно поющихъ и на распѣвъ читающихъ старухъ въ траурныхъ сарафанахъ съ кожанными, колѣнчатыми какъ червякъ чотками въ рукахъ; темная ночь, такъ таинственно глядящая въ окно; густой дымъ ладона, и тихій трескъ тонкихъ восковыхъ свѣчекъ; потомъ отпѣванье и похороны дѣдушки полковника, котораго клали въ гробъ не въ мундирѣ, а въ длинномъ до пятъ бѣломъ саванѣ; худое желтое лицо его, осѣненное длинными, расчесанными посреди лба сѣдыми волосами и съ длинною по поясъ сѣдою бородой; старая дѣвствующая тетушка мастерица, занимающаяся обученіемъ дѣтей церковной грамотѣ и мгновенно зажимающая носъ расправленнымъ какъ вѣеръ платкомъ, если можно предполагать вблизи курильщика; секретныя приготовленія къ принятію пріѣзжаго съ Иргиза попа...Все это, всѣ эти мистическіе образы и картины младенчества обступаютъ казака дома. Если на человѣка развитаго такое сильное впечатлѣніе производятъ воспоминанія о дѣтской порѣ, то что же долженъ чувствовать простой человѣкъ?

Казакъ такъ долго странствовалъ вдали отъ роднаго крова, что и у самого кудри пробила уже сѣдина, и жена его смотритъ бабушкой, и молодцы его ходятъ по вечёркамъ—играть съ дѣвками въ фанты и въ веревочку и пѣть пѣсни. «Пора остепениться!» думаетъ казакъ, слушая разсудительныя рѣчи жены и тетушки мастерицы, которая тоже стала «по старости аки бабушка».

Онъ отдаетъ въ домашній гардеробъ свой служилый мундиръ, облекается въ просторный хивинскій халатъ, уничтожаетъ свои трубки (въ домѣ никогда не пахло проклятымъ

зельемъ), не даетъ «постризалу взыйти на браду свою», строго держитъ всѣ, большіе и малые посты, начинаетъ читать книги домашней душеспасительной библіотеки, помѣщенной въ шкапчикѣ подъ «божьимъ» и уже съ сердитымъ недовѣріемъ смотритъ на книги беззастежныя, свѣтскія, проникается описанною Денисомъ Виноградовымъ многострадальною жизнью соловецкихъ и стародубскихъ старцевъ и скитниковъ, мало по малу вступаетъ и самъ въ пренія, говоритъ, что новыя книги всѣ въ никоновскихъ лепешкахъ, и наконецъ умираетъ, напутствуемый таинственнымъ попомъ, и хоронятъ его, какъ дѣда, въ бѣлой до пятъ рубашкѣ, съ желтою бородой по поясъ, и отпѣваютъ его старцы и черницы, и дѣти его поѣдутъ въ скитъ заказывать сорокоустъ по душѣ его, и будутъ живо помнить свою юность, чтобы, какъ отецъ, вернуться къ неи душой и бытомъ въ старости.

Вотъ отчего, отъ этоі замкнутости семейноі жизни, отъ этого отчужденія женщины, такъ живучъ здѣсь расколъ.

Поэтому дѣломъ первой важности было бы образованіе женщинъ,—по «беззастежнымъ книгамъ», скажемъ мы, употребляя ихъ же выраженіе.

Въ Уральскѣ давно, какъ я слышалъ, толкуютъ объ основаніи училища для дѣвочекъ; но толки эти привели пока къ весьма неудовлетворительному результату: теперь для дѣтей уральцевъ есть нѣсколько вакансіи въ оренбургскомъ женскомъ институтѣ. Училище необходимо въ самомъ Уральскѣ, гдѣ дочь не была бы такъ отдалена отъ родителеи.

Можетъ быть такое отдаленіе и полезно съ высшеи нравственной точки зрѣнія; но, во первыхъ, рѣдкая мать отпуститъ дитя свое далеко отъ себя, въ чужоі городъ, въ чужія руки, во вторыхъ, и отпущенная дочь должна же вернуться потомъ домоі, и тогда ея новыі образъ мыслеі и понятіи внесетъ въ семью только несогласіе и вражду.

Воспитаніе на глазахъ семьи, показывая преимущество образованія, примиряло бы съ нимъ и отходящія поколѣнія, и мало по малу внесло бы свѣтъ въ эту страну мрака и невѣжества.

Еще замѣчаніе о женщинахъ.

Я уже говорилъ, что есть казаки, женатые на «иногородних-ъ»; но отдать дочь за «иногородняго» не рѣшится ни одна мать, ни одинъ отецъ. И случаи перваго рода стали повторяться только въ послѣднее время. Въ нихъ есть и борьба, и драма.

Само собою разумѣется, женское образованіе—еще не все; необходимо расширить способы и мужскаго образованія. Главной заботой должно быть, по моему мнѣнію, основаніе въ Землѣ уральскаго войска гимназіи, которая подготовляла бы учениковъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, къ университету. Исключительно военное воспитаніе не принесетъ странѣ никакой пользы; оно оставитъ ее на вѣкъ въ настоящемъ положеніи и сдѣлаетъ невозможнымъ правильное развитіе другихъ сторонъ жизни.

Только общее образованіе можетъ благотворно дѣйствовать и на расколъ, который такъ безпокоитъ многихъ, хотя вовсе не потому, что служитъ задержкой прогрессу. Мѣры насильственныя не могутъ тутъ помочь: какъ мѣха, онѣ не тушатъ, а раздуваютъ огонь.

Если для образованія нужно много времени, то для терпимости, которая быстро можетъ очистить ему дорогу, давно пришла пора. Прежде всего должна изчезнуть мѣра, всего болѣе, по моему мнѣнію, раздражающая и разжигающая фанатизмъ раскола, а именно—запрещеніе строить часовни, давать имъ форму церквей и ставить на нихъ крестъ. Съ отмѣненіемъ этого запрета раскольничья пословица: «Христосъ терпѣлъ, и намъ велѣлъ!» скоро бы вышла изъ употребленія и перестала бы служить главною опорой всѣхъ фанатическихъ мудрствованій.

Особенно ранитъ всѣхъ то, что, напримѣръ, вчера запечатали или сломали здѣсь раскольничью часовню, а завтра возводится рядомъ магометанская мечеть особой архитектуры, съ высокимъ минаретомъ, съ котораго азанчей будетъ громогласно, на всю окрестность, призывать «правовѣрныхъ» къ молитвѣ. Въ Оренбургскомъ краю мечети сплошь и рядомъ.

Раскольничье населеніе вездѣ почти смѣшивается или граничитъ съ магометанами, и часто по близости новой горделивой мечети увидите вы деревянный надмогильный крестъ на мѣстѣ стоявшей тутъ и сломанной по распоряженію земской полиціи часовни.

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ Землѣ уральскаго войска меньше нетерпимости. Причина этому впрочемъ вовсе не утѣшительная. И высшій слой казачества, такъ называемые чиновники, отъ хорунжаго, пожалуй хоть до генералъ-маіора, вслѣдствіе крайняго неразвитія своего остаются горячими партизанами «старой вѣры», а потому и не допускаютъ крутыхъ мѣръ. Бритье бороды и даже присоединеніе къ единовѣрію большею частью ничего не доказываютъ: борода будетъ отрощена подъ старость, и не удобства ради, а по принципу, и офиціальное посѣщеніе единовѣрческой церкви не исключаетъ молитвъ въ потаенныхъ часовняхъ.

IV.

Встрѣчая всюду въ Землѣ уральскаго войска еще очень крѣпкіе и живучія остатки старины и въ понятіяхъ и въ домашнемъ быту, невольно ожидаешь найти здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи, древнихъ преданій, былинъ и пѣсенъ. Напротивъ, казаки очень бѣдны ими.

Изъ пѣсенъ больше всѣхъ отличается старымъ характеромъ пѣсня про Яикушку. Она любимая у уральцевъ и на рѣдкой казачьей сходкѣ послѣ рыболовства не услышите вы ея. Вотъ она:

«Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ сынъ Горыновичъ!
Про тебя ль, про Яикушку,
Идетъ слава добрая;
Про тебя ль, про Горыновича,
Идетъ рѣчь хорошая.
Золочено у Яикушки
Твое было донышко,
Серебряны у Горыновича

Твои круты бе́режки.
Мутнехонекъ ты, Яикушка,
Бѣжишь ты быстрехонекъ;
Прорылъ, протекъ, Горыновичъ,
Всѣ горушки, долушки;
Выметывалъ Яикушка
Посередь себя часты о́стровы;
Со вершинъ взялся, Горыновичъ,
Бѣжишь вплоть до устьица,
До славнаго до моря,
До моря Каспицкаго,
До славнаго до города,
Бѣжишь ты до Гурьева.
Выпадалъ (*) за Гурьевымъ
Во батюшку въ синё-море
До славнаго до острова,
До острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ
Старцы живутъ старые,
Все по девяносту лѣтъ;
Въ ладу старцы старыя
Съ ордой покоренною,
Съ золотой ордой».

Пѣсня не обошлась, разумѣется, безъ прибавокъ и перемѣнъ въ теченіи времени: «Каспицкое» море и городъ Гурьевъ, напримѣръ, вѣроятно явились въ неи взамѣну другихъ именъ и иныхъ стиховъ; многое, конечно, исчезло изъ пѣсни, и потому нельзя, напримѣръ, понять, о какихъ старцахъ на островѣ Камынинѣ, безплодномъ и едва ли когда видѣвшемъ на своихъ берегахъ людское жилье, въ неи говорится. На этомъ островѣ строятъ теперь себѣ гнѣзда только бакланы.

(*) Эта странная форма очень обыкновенна въ уральскихъ пѣсняхъ. «Выпадалъ», «выѣзжалъ» и т. под. попадаются въ нихъ сплошь и рядомъ. Я зналъ одного казака, который постоянно, когда бывалъ на веселѣ, запѣвалъ какую-то пѣсню, начинавшуюся стихомъ:

«Собирался православный царь....»

Продолженія я не могъ добиться. Пѣвецъ не двигался со своего «Собирался...»

Тѣмъ не мѣнѣе, сквозь всѣ приставки, перемѣны и недостатки въ словахъ пѣсни, какъ и въ мелодіи ея, слышатся очень старые тоны.

Въ напѣвѣ вообще всѣхъ уральскихъ пѣсенъ есть что-то дикое и преобладающій въ нихъ характеръ—таже удаль, которая слышится часто и въ обще русскихъ пѣсняхъ, но безъ примѣси такъ свойственной имъ кручины.

Вмѣстѣ съ пѣсней про Яикушку слѣдуетъ причислить къ старѣйшимъ изъ уральскихъ пѣсенъ ту, въ которой разсказывается о ихъ набѣгѣ на Хиву. Все въ ней обличаетъ не новое происхожденіе, хотя, разумѣется, и она сохранилась не въ тоіі полнотѣ и цѣлости, какъ была пропѣта въ первый разъ.

Эту пѣсню слышалъ я такъ:

«Не ясные-то соколики слеталися,
Не хивинскіе визирутки съѣзжалися,
Сходилися, съѣзжались добры молодцы,
Казаки, братцы, прі-яицкіе.
За единое они думушку крѣпкою думали:
Ужъ кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть,
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ атаманушку походнаго,
Есаула-то мы выберемъ залетнаго!
Атаманъ-отъ говоритъ, ребята, какъ въ трубу трубить,
Есаулъ-отъ говоритъ, ребята, какъ въ свирѣль свиститъ:
Еще долго ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
Не пора ли намъ, ребята, во походъ итти?
Ужъ мы Сыръ-Дарью пройдемъ, ребята, съ вечера,
Мы Кувань-Дарью пройдемъ во глуху полночь,
Мы Аму-Дарью пройдемъ на бѣлой зарѣ.
Мы хивинскому визиру не поклонимся,
Зимовать въ Хивѣ, ребята, не становимся...»

Вѣроятно, пѣсня эта кончалась прежде иначе. Теперь она какъ будто оборвана на серединѣ.

Въ одномъ напечатанномъ варіантѣ атаманъ прямо называется Нечаемъ; но съ этимъ именемъ пѣсни я не слыхалъ.

Нечаевскій походъ на Хиву былъ очень несчастенъ; его относятъ ко второму году XVII столѣтія.

Казаки знали, что на лѣто хивинцы оставляютъ свою столицу, Ургенджъ, и кочуютъ на берегу Аму-Дарьи. Это заронило въ голову казака Нечая мысль воспользоваться ихъ отсутствіемъ, пробраться степью съ шайкой удальцовъ въ Ургенджъ и забрать все что можно. Нечай набралъ себѣ пятьсотъ товарищей.

Они точно не стояли долго ни на Сыръ-Дарьѣ, ни на Кувань-Дарьѣ, и явились въ Ургенджъ. Этотъ путь, совершенный благополучно, но вѣрно не безъ опасностей и съ великими лишеніями, стоилъ бы лучшей пѣсни, чѣмъ какая осталась намъ о странствіи казаковъ въ Хиву.

Ургенджъ былъ совершенно пустъ. Жители всѣ откочевали, ханъ Арабъ Мохаммедъ, отецъ знаменитаго татарскаго историка Абулъ-Гази Багадуръ хана, ушелъ съ войскомъ въ походъ. Казакамъ было приволье: они разграбили все, что нашли, и разорили городъ. Склонность къ пированью вѣрно и тогда была такъ же сильна въ нихъ, какъ и теперь. Преданіе упоминаетъ объ одной изъ ханскихъ женъ, захваченныхъ ими; но нѣтъ сомнѣнія, что она была не одна въ казачьей компаніи. Кочевыя сосѣдки уральцовъ не прочь промѣнять при случаѣ своихъ рѣдко-бородыхъ батыреи на бородатыхъ русскихъ богатырей. Такъ это нынче; такъ могло быть и тогда. Иначе казаки не загостились бы такъ долго въ Ургенджѣ.

Ханская жена видно приняла ихъ сторону. Она совѣтовала имъ убираться по добру по здорову, пока не воротился ханъ; но казаки не скоро послушались добраго и умнаго совѣта, и не ушли отъ бѣды.

Правда, они отправились изъ Ургенджа еще до возвращенія хана, но онъ ждать себя не заставилъ, настигъ ихъ на полдорогѣ и вмѣсто пятисотъ на Яикъ вернулось всего трое или четверо казаковъ.

Отъ знакомства уральцовъ съ Стенькою Разинымъ сохранилось между ними только бранное слово: «Разина порода», которое считается очень обиднымъ; ни пѣсенъ, ни преданій

о немъ не случалось мнѣ слышать (*) такъ же, какъ и о Маринѣ Мнишекъ, бывшей на Яикѣ съ Заруцкимъ. На урочищѣ, называемомъ Маринкинымъ городкомъ, нѣтъ ни слѣда большаго поселенія.

Память объ одной изъ несчастныхъ стычекъ съ киргизами, вѣроятно не очень давней, осталась въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

«Какъ за рѣченькой было за быстрою
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами,
Распахана была тамъ пашенка
Яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою,
Взборонена была пашенка
Не бороною.

(*) Въ числѣ уральскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Иваниным и напечатанныхъ лѣтъ десять тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», есть слѣдующая пѣсня про Стеньку Разина:

«Какъ по морюшку,
Морю синему,
Бросилъ якори
Воровской корабль.
На корабликѣ
Муравель-чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ
Золотой бунчукъ,
Съ бунчукомъ рядомъ
Царски знамечки,
А у знамечковъ
Часовой стоитъ,
Молодой казакъ,
Разудаленькій,
Разудалая
Головушка,
Молодой парень,
Лѣтъ пятнадцати.
Супротивъ того

Распахана была пашня булатными
Копіями,
Взборонена была коневьими
Копытами,
Не рожью была, братцы, засѣяна,
Не пшеницей,
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ,
Самъ уѣхалъ.
Засѣявши ее онъ добрый молодецъ
Самъ повѣдалъ:
Ты рости моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка,
Не надѣйся!»

Про кровавую пору Пугачевщины между уральцами ходятъ еще разные разсказы, и не рѣдкость встрѣтить стари-

---

Караульщика
Раздвижной стоитъ
Деревянный стулъ.
На томъ стуликѣ,
Пригорюнившись,
Сидитъ, голову
Повѣсивши,
Удалой казакъ,
Стенька Разинъ сынъ.
А дотолева
Нашъ Степанушка
Во казачій кругъ
Самъ не хаживалъ,
И съ казаками
Братской думушки
Братски въ тѣ поры
Онъ недумывалъ.
А теперево
Нашъ Степанушка
Къ казакамъ въ кружокъ,
Гляди, самъ взошелъ».

ка или старуху, которые вполнѣ убѣждены, что Пугачевъ не былъ Пугачевымъ. Мнѣ говорили здѣсь, что Пушкинъ не могъ многаго узнать отъ здѣшнихъ стариковъ, помнившихъ Пугачева, оттого, что начиналъ свои распросы неосторожнымъ отзывомъ о немъ, какъ о самозванцѣ.

Въ разсказахъ, которые мнѣ случалось слышать, господствовало обыкновенно самое забавное смѣшеніе фактовъ и чиселъ, и изъ разсказовъ этихъ нечего заимствовать.

Между прочимъ болѣе всего распространено мнѣніе, что атаманъ Бородинъ, провожавшій Пугачева, умеръ въ Москвѣ не своею смертью, что тотчасъ по пріѣздѣ туда его угостили стаканомъ крѣпкаго пунша, онъ легъ спать и уже не вставалъ больше. Другой разсказъ приписываетъ быстрое достиженіе до атаманства Михайлова-Караульщикова тому обстоятельству, что онъ подалъ кружку браги Пугачеву, который понапрасну просилъ окружавшихъ его клѣтку дать

Какъ эта пѣсня, такъ и всѣ остальныя въ собраніи г. Иванина, вѣроятно записаны не имъ самимъ, а какимъ нибудь мѣстнымъ грамотѣемъ: всякой, кто мало мальски знакомъ съ народной поэзіей, замѣтитъ съ перваго же взгляда чуждые ей пріемы въ этой редакціи. Сравненіе со списками, сдѣланными мной въ Землѣ уральскаго войска со словъ хорошихъ пѣвцовъ, показало, мнѣ, что чувство недовѣрія къ подлинности многихъ мѣстъ въ спискѣ г. Иванина меня не обманывало. Въ тоже время я узналъ на мѣстѣ, какъ могла произойти такая невѣрность. Мнѣ случалось говорить съ уральскими офицерами объ ихъ пѣснях: многіе знали ихъ наизустъ, и я пробовалъ просить ихъ, продиктовать мнѣ ихъ; но стоило взяться за карандашъ, и въ пѣснѣ тотчасъ являлись разныя смягченія и измѣненія: такое-то слово было слишкомъ просто, другое слишкомъ рѣзко, третье не на мѣстѣ и т. д. Иногда оказывались даже цѣлыя вновь придѣланныя окончанія. Однимъ словомъ всѣ эти господа оказывались такими же пуристами, какъ нѣкогда князь Цертелевъ, одинъ изъ первыхъ собирателей русскихъ пѣсенъ, старавшійся дать имъ болѣе стройный и изящный, по его мнѣнію, видъ. Изъ такого источника вышелъ вѣроятно сборникъ г. Иванина. Совсѣмъ иначе записано нѣсколько пѣсенъ г. Небольсинымъ въ его сочиненіи объ уральцахъ: въ нихъ вѣрно каждое слово.

ему водицы — горло промочить. «Я объ тебѣ не забуду!» сказалъ Пугачевъ, и Михайловъ въ царствованіе Павла Петровича былъ сдѣланъ атаманомъ.

Есть и пѣсня, относящаяся къ пугачевскому времени. Вотъ она:

«На зарѣ было на зоренькѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
Въ полку у насъ несчастье случилося,
Что убили въ полку у насъ хорунжаго,
Что ни лучша изъ насъ нерва воина,
Что Иванушку Семіоныча Барханскова.
Какъ убили его во бѣлую грудь,
Во бѣлую грудь, въ ретиво сердце.
Онъ вскричалъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ:
Ужъ ты гой еси мой племянничекъ,
Что Степанушка сынъ Михайловичъ (*)!
Подбѣги ко мнѣ ты скорехонько!
Поддержи, подыми знамя царское,
Знамя царское, все алтынское!
Не допусти ты знамя до сырой земли!
Сбереги, соблюди знамя царское,
Знамя царское, все алтынское! —
И онъ налъ-то къ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы на сыру землю (**).

Въ этомъ «алтынскомъ» знамени не трудно угадать голштинское знамя, бывшее у Пугачева и надѣлавшее много хлопотъ.

(*) Называютъ даже имя этого племянничка: Горбачевъ.

(**) Вотъ сокращенный варіантъ этой пѣсни, въ которомъ не осталось уже ничего историческаго:

«Изъ за-горъ-то было, братцы, высокіихъ,
Изъ-за кустика куста было ракитова,
Не лютая-то змѣя змѣюшка выпалзывала,
Не свинцова-то пуля пулечка вылетывала.
Упадала пулечка она во казачій полкъ.
Никого-то въ полку пуля не обранила,
Убивала пулечка младшаго урядничка,
Что ни лучша у насъ нерва воина.
Упадалъ молодецъ къ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы падалъ на сыру землю.»

Вотъ и всѣ сколько нибудь замѣчательныя пѣсни уральцовъ. Остальныя или общія великороссійскія, или волжскія, или передѣланныя изъ тѣхъ и другихъ. Такъ вы часто услышите здѣсь извѣстную пѣсню про Ермака: «Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ» и пѣсню про князя Волхонскаго, передѣланную на свой ладъ и принаровленную къ князю Волконскому, бывшему оренбургскому военному губернатору, которымъ казаки были недовольны.

Не только въ пѣсняхъ и разсказахъ про старину Уралъ именуется у казаковъ Яикомъ, такъ называютъ они его постоянно и нынче. Названіе Уралъ употребляется только офиціально. Поэтому мнѣ кажется очень страннымъ это переименованіе, и я никакъ не могу повѣрить, будто Яикъ переименованъ по единодушному желанію казаковъ. Такого suffrage universel никогда не было. Новое названіе сочинилъ просто-на-просто какой нибудь большой казачій «чиновникъ»; захотѣлъ прислужиться и выдумалъ небывалую волю всѣхъ казаковъ отказаться отъ своего стараго имени.

Мих. Михайловъ.